

УДК 811.161.1

О РАЗГОВОРНЫХ ВАРИАНТАХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Е. А. Болтовская

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет

В статье представлены результаты исследования конкуренции общеупотребительных и стилистически ограниченных вариантов формы предложного падежа единственного числа имени существительного. На основе сопоставления сведений, полученных из лексикографических источников, и данных, извлеченных из Национального корпуса русского языка, выявляются и характеризуются произошедшие с конца XX в. по настоящее время изменения в кодификационном статусе и узואальном употреблении разговорных и просторечных падежных вариантов имени существительного.

Ключевые слова: динамика морфологической нормы, конкуренция вариантов, разговорный падежный вариант, имя существительное, форма предложного падежа единственного числа.

Введение

Многие исследователи актуального состояния и перспектив развития русского языка, динамики его разноуровневых норм указывают на оскудение словарного запаса и отсутствие языковых авторитетов в сознании значительной части русскоговорящих, размывание границ литературного языка, усиление функциональной мобильности языковых единиц, стилистическое снижение, огрубление, примитивизацию речи вследствие нарушения принципа соответствия речи сфере общения и более толерантного, чем прежде, отношения языкового коллектива к употреблению стилистически маркированных единиц [см. 1–6].

С конца 80-х гг. XX в. до начала XXI в. вместо языка лучших художественных произведений, содержащих традиционные нормативные образцы, язык СМИ становится «эталонным нормотворческим фактором» [1, с. 60]. В наши дни СМИ утрачивают позицию самой влиятельной сферы коммуникации, уступая место различным видам интернет-общения (электронная почта, веб-форумы, веб-конфе-

© Болтовская Е. А., 2025

ренции, сетевые дневники, видеоблоги, социальные сети и др.): «Новые информационные технологии становятся важнейшим фактором изменения современной языковой личности. Завоевав позиции одного из ведущих типов общения, компьютерная коммуникация заметно подтачивает традиционную норму» [2, с. 5].

Цель данной статьи – установить сходства и различия между кодифицированной и узואальной нормой употребления стилистически ограниченных и общелитературных вариантов формы предложного падежа существительных в русском языке конца XX – первой четверти XXI в.

Основная часть

Материалом для исследования послужили данные, почерпнутые из лексикографических источников, изданных в начале XXI в., а также данные, собранные из текстов, представленных в подкорпусе «Социальные сети» Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В работе были использованы описательный и количественный методы, при извлечении примеров из НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/>) применялся частичный морфологический анализ слова.

Если сравнивать морфологический уровень языка с лексическим по степени стилистической дифференциации, то они находятся на противоположных полюсах. Считается, что морфологический уровень наименее подвержен стилистическому расслоению, в то время как для лексики даже отсутствие пометы в словаре значимо как показатель того, что она является общеупотребительной [7, с. 36–37]. Однако и в морфологии имеются свои источники («горячие точки» [8, с. 233]), обладающие определенным стилистическим потенциалом. Среди вариантов падежных форм наибольший интерес вызывают формы именительного (для неодушевленных существительных – и винительного) падежа множественного числа существительных мужского

го рода (*диспетчеры* и *диспетчера*, *бамперы* и *бампера*, *договоры* и *договора*), родительного падежа множественного числа (*абрикосов* и *абрикос*, *яслей* и *ясель*), предложного падежа единственного числа существительных мужского рода с предлогами *в* и *на* (*на снегу* и *на снеге*), родительного падежа единственного числа существительных с вещественным и абстрактным значением (*кусоч сахара* и *сахару*, *много простора* и *простору*), творительного падежа единственного числа существительных женского рода на мягкий согласный (*лошадями* и *лошадьми*) и существительных на *-а/-я* (*сиротой* и *сиротою*, *дядей* и *дядею*).

Употребление варианта с *-у/-ю* в сочетании с предлогами *в* и *на* отмечается в таких значениях, как 'внутри, в пределах чего-л.' (*в соке* и *в соку*), 'в условиях чего-л., в состоянии чего-л.' (*находиться в отпуске* и *в отпуску*), 'на поверхности чего-л.' (*распластаться на снеге* и *на снегу*). В то же время имеются сочетания, в которых предпочтителен или единственно возможен вариант с флексией *-у/-ю* (например, *на полу*, *на боку*, *во рту*, *в лесу*), в составе фразеологических сочетаний (например, *быть в долгу* перед кем-н., *на слуху* у кого-н.), в сочетаниях вещественных существительных с предлогом *в* со значением охвата или полноты охвата чем-н. (*весь в снегу*, *испачкать руки в клею*, *ходить в шелку*) и в сочетании с предлогом *на* со значением способа изготовления с применением чего-л. (*пальто на меху*, *мебель на клею*, *пряники на меду*) [см. 9, с. 188–189].

Основой для нашего исследования послужил «Словарь грамматических вариантов русского языка» (СГВРЯ) Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской, иллюстративный материал которого основан на речевой практике последних десятилетий XX в. [10, с. 7]. По словарю был составлен список равноправных вариантов существительных в форме предложного падежа единственного числа (54 пары) и выделено 7 вариантов с пометами *разговорное* (разг.) и *просторечное* (прост.): разг. *в газу*; *в грунту*; *на квасу*; *в отпуску*; *в терему*; *на холоду*; прост. *в хору* [10, с. 196–197].

Сначала мы выяснили, какая нормативная оценка дается стилистически сниженным словоформам в других лексикографических источниках: «Кратком словаре трудностей русского языка» (КСТРЯ) Н. А. Еськовой [11], «Словаре правильной русской речи» (СПРР) Н. В. Соловьева [12] и словарях, размещенных на образовательном портале Грамота.ру

(<https://gramota.ru/>): «Большой толковый словарь русских существительных» (БТСРС) (отв. ред. Л. Г. Бабенко), «Большой толковый словарь русского языка» (БТСРЯ) (общ. ред. С. А. Кузнецов), «Большой универсальный словарь русского языка» (БУСРЯ) В. В. Морковкина, Г. Ф. Богачевой, Н. М. Луцкой, «Русский орфографический словарь» (РОС) под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой, «Русское словесное ударение» (РСУ) М. В. Зарвы.

В КСТРЯ представлена следующая нормативно-стилистическая характеристика названных вариантов: 1) находящиеся в пределах литературной нормы равноправные варианты, соединенные союзом *и*: *быть (или находиться) в отпуску* и *в отпуске*; 2) нормативные варианты, один из которых признается основным. Помету «допустимо», означающую, что вариант не считается неправильным, но менее желателен в употреблении, имеют варианты *на газу*, *в/на грунту* в знач. 'разные виды', *в квасу* в знач. 'разные сорта' в специальном употреблении.

В СПРР помету «разговорное» имеет находящийся в рамках нормы для разговорного функционального стиля вариант *на грунту*. Равноценными в семантико-стилистическом плане автором словаря признаются варианты *на газе* и *на газу*, *в отпуске* и *в отпуску*, *в хоре* и *в хору*.

Как видим, сведения о кодифицированной норме, почерпнутые из нескольких лексикографических источников, довольно противоречивы. Так, в СГВРЯ варианты *в отпуске* и *в отпуску* представлены как стилистически окрашенные разговорные, а в СПРР и КСТРЯ – как равнозначные, нейтральные; в СГВРЯ *в хору* признается просторечным вариантом, а в СПРР – стилистически нейтральным дублетом *в хоре*.

Лексикографы по-разному оценивают вариант *на газу*: он признается просторечным (БУСРЯ), разговорным (БТСРС, БТСРЯ) и нейтральным, равноправным с вариантом *на газе* (РОС). Вариант *в отпуску* имеет пометы, свидетельствующие о его общелитературном (РОС) или разговорном (БТСРС) статусе.

По поводу вариантов *в терему* и *на холоду* мнения кодификаторов схожи: первый считается стилистически нейтральным эквивалентом варианта *в тереме* (БТСРС, БТСРЯ, РСУ), а второй – разговорным (БТСРС, БТСРЯ).

Исследователи единодушны в том, что разговорная речь «находится в зоне узуального, а не кодифицированного нормирования» [7, с. 35], поэтому мы обратились к материалам подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ,

чтобы отследить актуальные узуальные предпочтения в использовании рассматриваемых вариантов.

Вариант *в хоре* встретился в 94 текстах с 2010 по 2022 г.: *Помни и о существовании певцов, не забудь, что самое высокое в музыке находит свое выражение в хоре и оркестре.* [vk (28.05.2016)]. Вариант *в хору* в подкорпусе «Социальные сети» не обнаружен. Поиск этого варианта в газетном подкорпусе также не увенчался успехом. Только в 16 текстах основного подкорпуса нашлись примеры, но это употребления, зафиксированные с 1886 по 1957 г. в художественной речи (*Конечно,*

Шилов в хору был всегдашним солистом или запевалой... [А. А. Черкасов. Шахтама (1886)]; *А разве Ворон тоже в хору состоит? – спросил Степа.* [А. И. Мусатов. Большая весна (1957)], т. е. можно, основываясь на узуальных данных, утверждать, что вариант *в хору* в русском языке давно перешел в пассивный словарный запас и в современных словарях для него уместна такая помета, как «устар.» (устарелое).

Результаты количественного анализа других пар вариантов формы предложного падежа единственного числа представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Употребление вариантов формы предложного падежа единственного числа существительных мужского рода в текстах подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ, в %

Вариантная пара	Вариант на -е	Вариант на -у
<i>в газе – в газу</i>	100	0
<i>на газе – на газу</i>	67,8	32,2
<i>в грунте – в грунту</i>	100	0
<i>на грунте – на грунту</i>	100	0
<i>в квасе – в квасу</i>	100	0
<i>на квасе – на квасу</i>	100	0
<i>в отпуске – в отпуску</i>	99,5	0,5
<i>в тереме – в терему</i>	100	0
<i>на холоде – на холоду</i>	98,8	1,2
<i>в хоре – в хору</i>	100	0

Примечание. Одно найденное употребление *в терему* при подсчете не учитывалось, так как в контексте цитировалось стихотворение А. Блока: ... *Я умчусь с огневymi кругами И настигну Тебя в терему.* Блок А., 1901 [vk (05.06.2015)].

Как видно из таблицы, только в паре *на газе – на газу* сохраняется конкуренция, в остальных парах доминирует вариант с флексией -е.

Употребление в реальной языковой практике варианта *на квасе* (встретился в 23 текстах) со значением способа изготовления с применением чего-л. вместо рекомендованного авторами «Краткой русской грамматики» единственно возможного в данном случае *на квасу* [9, с. 189], с одной стороны, уточняет имеющиеся теоретические представления о конкуренции рассматриваемых падежных вариантов, с другой – подтверждает общую тенденцию «к сокращению круга слов, принимающих окончание -у» [10, с. 194] в современном литературном языке. Интересно, что в газетном подкорпусе также отмечается стопроцентное употребление варианта *на квасе* в 26 текстах с 1997 по 2000 г.: *Эксперты «Рос-*

качества» признали классической окрошку на квасе, а не на кефире. [Поставлена точка в споре об окрошке // lenta.ru, 13.06.2019]. Вариант *на квасу* приводился только в качестве примера из словаря В. И. Даля: *В толковом словаря В.И. Даля она определяется как «холодная похлебка на квасу из отварной ботвы, лука, огурцов, рыбы; баланда, холодец».* [Ярославская Юлия. Суп не съел – откуда сила? // Труд-7, 07.08.2008]. Возможно, это связано с тем, что «особенностью русской разговорной речи является ее принципиальная литературность, а не диалектность происхождения» [6, с. 142], а также с более прочной позицией варианта на -е в падежной системе: в парах вариантов, представляющих форму предложного падежа единственного числа, основным, стилистически немаркированным, как правило, является вариант с флексией -е, способной выразить все оттенки значений предложного падежа, тогда

как вариант с флексией *-у/-ю* может иметь стилистически сниженную окраску.

Проверив далее наличие в подкорпусе «Социальные сети» (с привлечением данных газетного подкорпуса) 54 пар вариантов, признанных авторами СГВРЯ равноправными, мы пришли к следующим выводам: в 20 парах со значительным количественным перевесом преобладает вариант на *-у/-ю* (в *аэропорту* (95,6 %) – в *аэропорте* (4,4 %), на *балу* (94,6 %) – на *бале* (5,4 %), на *бережку* (100 %) – на *бережке* (0 %), в *быту* (98,3 %) – в *быте* (1,7 %), на *валу* (100 %) – на *вале* (0 %), на *ветру* (99,4 %) – на *ветре* (0,6%), в *гробу* (98,7 %) – в *гробе* (1,3 %), в *дыму* (88,9 %) – в *дыме* (11,1 %), в *зобу* (100 %) – в *зобе* (0 %), на *колу* (100 %) – на *коле* (0 %), в *кругу* (86,9 %) – в *круге* (13,1 %), на *лугу* (99,2 %) – на *луге* (0,8 %), во *мху* (81,3 %) – во *мхе* (18,7 %), на *пире* (86,3 %) – на *пире* (13,7 %), на *плоту* (95,1 %) – на *плоте* (4,9 %), в *пуху* (80,0 %) – в *пухе* (20,0 %), в *строю* (95,4 %) – в *строе* (4,6 %), на *спирту* (82,8 %) – на *спирте* (17,2 %), в *хлеву* (94,1 %) – в *хлеве* (5,9 %), в *шкафу* (99,6 %) – в *шкафе* (0,4 %)), при этом варианты на *бережке*, на *вале*, в *зобе*, на *коле* отсутствуют. В 19 парах с количественным отрывом доминирует вариант на *-е* (на *вороте* (85,7 %) – на *вороту* (14,3 %), в *гное* (75,0 %) – в *гною* (25,0 %), на *дубе* (82,2 %) – на *дубу* (17,8 %), на *зубе* (100 %) – на *зубу* (0 %), на *крюке* (100 %) – на *крюку* (0 %), на *мысе* (80,4 %) – на *мысу* (19,6 %), в *поте* (73,1 %) – в *поту* (26,9 %), на *свете* (98,7 %) – на *свету* (1,3 %), в *слое* (100 %) – в *слою* (0 %), на *смотре* (75,0 %) – на *смотру* (25,0 %), в *спирте* (90,7 %) – в *спирту* (9,3 %), в *супе* (100 %) – в *супу* (0 %), в *уголке* (93,4 %) – в *уголку* (6,6 %), на *холме* (100 %) – на *холму* (0 %), в *цвете* (84,6 %) – в *цвету* (15,4 %), в *чае* (98,5 %) – в *чаю* (1,5 %), в *чане* (100 %) – в *чану* (0 %), в *чаше* (100 %) – в *чашу* (0 %), в *шелке* (80 %) – в *шелку* (20 %)), при этом варианты на *зубу*, на *крюку*, в *слою*, в *супу*, на *холму*, в *чану*, в *чашу* не были нами обнаружены. Предпочтение вариантам на *дубе*, в *зобу*, на *колу*, в *пуху*, в *поте*, скорее всего, отдается в связи с цитацией прецедентных текстов (авторских и народных), в которых они задействованы (*златая цепь на дубе том, в зобу дыханье сперло, на колу мочало, рыло/рыльце в пуху, в поте лица*), существование варианта на *вороту* объясняется тем же (*брань на вороту не виснет*).

Из-за малой распространенности (встречаемость до 3 текстов) узуальная норма не-

очевидна для 9 пар вариантов: на *мыске* – на *мыску* (1:0), на *насте* – на *насту* (0:0), в *паю* – в *пае* (1:0), в *рое* – в *рою* (2:1), на *следе* – на *следу* (1:1), в *следе* – в *следу* (3:0), на *стане* – на *стану* (3:0), в *тыне* – в *тыну* (0:0), в *узле* – в *узлу* (3:0).

В парах в *мозгу* (59,3 %) – в *мозге* (40,7 %) (602:413), в *стоге* (57,5 %) – в *стогу* (42,5 %) (42:31), в *цехе* (54,8 %) – в *цеху* (45,2 %) (80:66) продолжается активная конкуренция. Данные из газетного подкорпуса свидетельствуют о более частой встречаемости первых вариантов в паре: в *мозгу* (51,6 %) – в *мозге* (48,4 %) (651:610), в *стоге* (77,3 %) – в *стогу* (22,7 %) (153:45), в *цехе* (78,9 %) – в *цеху* (21,1 %) (1106:295).

Некоторые количественные данные не совпадают в подкорпусе «Социальные сети» и в газетном подкорпусе. Так, по данным из соцсетей, более востребованы варианты на *-у/-ю*: на *клею* (68,4 %) – на *клее* (31,6 %) (13:6), в *краю* (60,3 %) – в *крае* (39,7 %) (79:52), в *меду* (58,5 %) – в *меде* (41,5 %) (38:27), а в газетном подкорпусе обнаружена их или одинаковая встречаемость на *клею* (50,0 %) – на *клее* (50,0 %) (8:8), или преобладание варианта на *-е*: в *краю* (3,1 %) – в *крае* (96,9 %) (142:4548), в *меду* (46,1 %) – в *меде* (53,9 %) (54:63).

Большую востребованность вариантов на *-е* (например, в *крае*, в *меде*, в *стоге*, в *цехе*) в текстах публицистических изданий и вариантов на *-у/-ю* в текстах соцсетей (например, в *мозгу*, в *краю*, в *меду*, на *клею*) можно объяснить тем, что письменная газетная речь «требует сознательной установки на средства выражения» [13, с. 169]. Так как «варианты на *-е* употребляются в письменной речи и приобрели оттенок книжной или нейтрально-литературной речи», они в большей мере, чем варианты на *-у/-ю*, которые, «употребляясь в разговорной речи, имеют разговорную или просторечную окраску» [10, с. 195], соответствуют строгой литературной норме и сфере, предполагающей официальное общение.

Заключение

Таким образом, диапазон нормативно-стилистической оценки вариантов на *-у/-ю*, представляющих форму предложного падежа единственного числа существительных мужского рода, широк. Один и тот же вариант (например, на *газу*) лексикографами может признаваться просторечным, разговорным, нейтральным. Сопоставив на материале корпусных данных кодифицированную норму с

узуальной, мы пришли к выводу о том, что в текстах соцсетей малоупотребительны или отсутствуют варианты, признанные в СГВРЯ разговорными (*в отпуску, на холоду, в терему*), более того, рекомендованный грамматикой в качестве нормативного вариант *на квасу* заменяется вариантом *на квасе*. В подавляющем большинстве пар равноправных, стилистически нейтральных вариантов наблюдается сокращение конкуренции или в сторону варианта на -у (*в аэропорту, на балу, в быту, в шкафу*), или в сторону варианта на -е (*в супе, на свете, в спирте, в чае*). Лишь в нескольких вариантных парах можно отметить сохранение активных конкурентных отношений (*в мозгу – в мозге, в меду – в меде, в стоге – в стогу, в цехе – в цеху*).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков, Д. Б. О русском языке и не только о нем / Д. Б. Гудков, Е. Ю. Скороходова. – М. : Гнозис, 2010. – 206 с.
2. Барабаш, В. В. Динамика нормативности и экологическое мышление (на материале русского языка XXI века) : монография / В. В. Барабаш, Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. – М. : ФЛИНТА, 2023. – 220 с.
3. Дегальцева, А. В. К проблеме изменения норм современного русского языка / А. В. Дегальцева, О. Б. Сиротинина // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, вып. 4. – С. 368–376. Doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376, EDN:VUIWGO.
4. Сицына-Кудрявцева, А. Н. Языковые факторы, способствующие актуализации употребления разговорных, жаргонных, сленговых единиц в современных дискурсах и текстах / А. Н. Сицына-Кудрявцева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. – № 6. – С. 85–90.
5. Сковородников, А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – 194–222.
6. Сиротинина, О. Б. Изучение разговорной речи как одна из проблем русской стилистики / О. Б. Сиротинина // Stylistyka, Opole. – 1997. – Т. 6 : Русская стилистика. – С. 137–144.
7. Литневская, Е. И. Письменные формы русской разговорной речи (к постановке проблемы) : монография / Е. И. Литневская. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 304 с.
8. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 10-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
9. Краткая русская грамматика / В. Н. Белосусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.
10. Граудина, Л. К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.
11. Еськова, Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение / Н. А. Еськова. – 6-е изд., испр. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 605, [3] с.
12. Соловьев, Н. В. Словарь правильной русской речи / Н. В. Соловьев ; Ин-т лингв. исслед. РАН. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847, [1] с.
13. Винокур, Г. О. Культура языка / Г. О. Винокур ; предисл. Л. П. Крысина. – 5-е изд., стереотип. – М. : ЛЕНАНД, 2018. – 352 с.

Поступила в редакцию 20.09.2024 г.

Контакты: boltovskaia@m.msu.by (Болтовская Елена Александровна)

Boltovskaya E. A. ON COLLOQUIAL VARIANTS OF THE CASE FORMS OF RUSSIAN NOUNS DURING THE LATE XX CENTURY – THE FIRST QUARTER OF THE XXI CENTURY

The article presents the results of the study of competitiveness between commonly used and stylistically restricted singular prepositional case forms of a noun. Based on the comparison of the data obtained from lexicographic sources and the data extracted from the Russian National Corpus, the changes in the codification status and usual usage of colloquial and common noun case variants that have occurred since the end of the XX century up to the present days are revealed and characterized.

Keywords: morphological norm dynamics, competitiveness of variants, colloquial case variant, noun, singular prepositional case form.